

Божье древо

14 июня.

Садъ въ нынѣшнемъ году снялъ у насъ мѣщанинъ Богомолловъ. Стеречь его прислалъ своего земляка, однодворца изъ подъ Козлова. Чудеснѣйшій, кажется, человекъ этотъ однодворецъ.

Явился въ усадьбу и поселился въ шалашѣ въ главной аллеѣ какъ-то совсѣмъ незамѣтно. Мы узнали о его существованіи только вчера. Пошли гулять, вошли въ аллею и видимъ, что подъ липой противъ шалаша дымится костерчикъ, а на него стоитъ смотреть какой-то мужикъ. Подходимъ ближе — мужикъ шутиливо, съ усмѣшкой опускаетъ руки по швамъ, вытягивается:

— Господамъ дворянамъ почтеніе!

Мы пріостановились:

— Добраго здоровья. Караульщикъ?

Онъ снялъ шапку и уже безъ всякой шутиливости, низко, истово поклонился:

— Такъ точно. Буду караулить, вамъ и хозяину угожать.

— Такъ. . Надѣвай шапку-то.

— Ничего, и безъ шапки постоимъ. Богъ лѣсу, и то не сравняль.

— А откуда ты и какъ величать тебя?

— Козловскій однодворецъ, Знаменской волости, сельца Прилѣпы. А звали Яковомъ. Яковъ Демидычъ Нечаевъ.

И все такъ ладно, бодро. Что однодворецъ, сразу замѣтно — по говору. Возраста неопредѣленнаго, — лѣтъ подъ пятьдесятъ, должно быть, хотя можно дать и мень-

ше, — наружности довольно обычной, но чѣмъ-то очень пріятной. Посконная рубаха, такіе же портки, на ногахъ лапти, — все не новое, поношенное, но опрятное. Глаза живые, немного насмѣшливые и прищуренные, умудренные наблюдательностью и житейскимъ опытомъ, въ соотвѣтствіи съ небольшою кое-гдѣ сѣдѣющей бородой, которая еще курчавится и, видно, была когда-то черной. Но въ звукѣ грудного голоса и во всей повадкѣ есть въ то же время что-то молодое, простодушное. Представившись, надѣлъ шапку и опять усмѣхнулся:

— Вотъ чаекъ сабѣ налаживаю. Самоварчика, признаться, нѣту, да эта одна баловство, и изъ чугунычкия попьемъ...

Мы заглянули въ шалашъ, — тамъ, конечно, все какъ полагается: красная подушка и затертый, ссохшійся отъ старости полушубокъ на соломѣ, ржавая одностволка въ уголкѣ, обрубокъ широкаго пня при входѣ, а на немъ горбушка чернаго хлѣба, толстая чайная чашка, самодѣльный ножичекъ...

— Домокъ какъ у зайца тяремокъ, — еще разъ пошутить онъ. — Милости просимъ гостями быть...

Въ саду было сумрачно отъ тучъ, съ поля дулъ мягкій вѣтеръ. Мы взглянули сквозь листву на небо:

— А какъ думаешь, будетъ дождь?

Онъ, прищуриваясь, тоже поднялъ лицо кверху:

— Кабытъ такъ. Маяго кобелька нынче что-й-то весь день не видать, весь день на гумнѣ мышкуя. А это ужъ обязательно къ дождю, она, мышъ-крыса усякая, передъ дождемъ сильнѣй пахня. Ну, що жъ, и помоча маленько, авось не сахарные, не растаемъ...

Говоръ старинный, косолапый, крупный. Онъ говоритъ: що, каго, яго, маяго, табѣ, сабѣ, таперь, но все какъ-то такъ, что слушать его большое удовольствіе, не то что прочихъ однодворцевъ, которымъ «барскіе» иной разъ вѣдаромъ говорятъ: «Заткни хайло онучей, раскагокался!»

Когда мы отошли и пошли по аллеѣ дальше, онъ сталъ

собирать въ травѣ сухую листву и сучки и, подбрасывая ихъ въ огонь, сталь негромко напѣвать (вѣрнѣе, приговаривать):

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка,
Гдѣ жъ ты бывала,
Гдѣ жъ ты лятала?

Мы невольно засмѣялись — такъ ловко у него это выходило — и опять пріостановились:

— Какъ, какъ?

— А вы разѣ ня знайте? — отвѣтилъ онъ, тоже засмѣявшись. И тотчасъ же безъ всякаго смущенія, съ видимой охотой, слегка поднявъ свой грудной голосъ:

Гдѣ жъ ты бывала?
Гдѣ жъ ты лятала?

И сталь пошевеливать плечами, покачивать головой:

Нихто совушку ня зналъ,
Нихто еѣ не спозналъ,
Спознали два луня,
Спознали два друга:
— Ты привѣть меня, луня,
Поди замужъ за меня!

— А она, значить, не желаетъ, не хочетъ, — сказалъ онъ, смѣясь, и опять запѣлъ шуточно и жалостно:

А она не хоча
Да какъ захохоча!
Назадъ сторонилаь,
У лѣсь завалилаь —
Кверху шогою,
Объ пень головою . . .

Ахъ, кто жъ это въ лѣсъ?
Каго это бѣся?

— А онъ, должно быть, даже красивъ былъ, — сказалъ Коля, когда мы отошли. — И какъ ещё строень до сихъ поръ. — Яковъ Демидычъ! — крикнулъ онъ, оборачиваясь.

— Аюшки? — отозвался Яковъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятьдесятъ сямой! — громко крикнулъ Яковъ.

— Каковъ, а? — сказали мы въ одинъ голосъ, удивленно переглядываясь.

15 июня.

Погода все хмурится, отъ скуки ѣздили въ Осиновые Дворы, за коноваломъ. Передъ вечеромъ опять пошли въ аллею, къ шалашу. Посидѣли, поговорили съ Яковомъ. Спрашиваемъ:

— А ты, значить, куришь, Яковъ Демидычъ?

— Я-то? — весело сказалъ онъ. — А я все могу. Могу курить, могу и цѣльный годъ такъ ходить. Мая душа прямая, все шримая, и медъ, и тотъ претъ. На гулянкахъ и покурить не плохо.

— А на счетъ водочки какъ?

— А я человекъ мірской. Що Илья, то и я, що Евсей, то и всѣ. Кто жъ отъ неѣ откажется? Не пьютъ на небеси, а тутъ кому ни поднеси. Зашель такъ-то праздникъ престольный — отчего жъ нямножко не погулять, не потратиться? Я ня жадный, я добродушный. Ихъ, денегъ, жалѣть нечего. Понурая голова и съ рублемъ пропадаетъ!

Потомъ поговорили о томъ, что и какъ, надо полагать, уродится нынѣшнимъ лѣтомъ въ саду, въ полѣ. Онъ съ удовольствіемъ поддерживаетъ всякій разговоръ. Очень словоохотливъ, однако не болтливъ. Главная черта его, кажется, заключается въ неизмѣнно ровномъ и отлич-

номъ расположеніи духа. То и дѣло съ неподражаемой легкостью и пріятностью надо всѣмъ подшучиваетъ, подтруниваетъ. Между прочимъ спросилъ:

— А вы що-жь, господа, только лѣто тутъ, а то все въ Москвѣ?

И сталъ трунить надъ Москвой, надъ воображаемыми московскими бѣлоручками, щеголями — и разсказалъ цѣлую исторію о томъ, какъ будто бы пріѣхалъ однажды въ деревню нѣкій московскій «обуватель», то есть обыватель, какъ онъ ничего не ѣлъ, не пилъ, брезгуя всѣмъ деревенскимъ, и какъ неудачно сходилъ онъ за нуждой за избу: сѣлъ тамъ да такъ замечтался о московскихъ кушаньяхъ, что собаки ему «причинное мѣсто» оторвали:

— Онъ какъ вскоча: ахъ, що жъ мнѣ, молъ, таперъ дѣлать, да за ними, — не успѣлъ и штановъ подхватить, — а онѣ по деревнѣ да прямо въ народъ, на улицу, а тамъ дѣвокъ цѣлый карогодъ...

Началъ разсказъ шутя, отрывисто, но тотчасъ сталъ увлекаться, глаза, брови заиграли, быстро мѣняя выраженіе, изображая то мужиковъ, то чваннаго москвича, то подкрадывающихся къ нему собакъ, а потомъ вдругъ вскрикнулъ, какъ бы отъ внезапной боли, подскочилъ, ударилъ себя по ляжкамъ, затопалъ лаптями, — бросился, значить, въ погоню за собаками, — и согнулся, повалился впередъ, хохоча вмѣстѣ съ воображаемыми дѣвками:

— Ахъ, батюшки, да що жъ это такое, вотъ срамъ-то, дѣвки!

— А ты былъ когда-нибудь въ Москвѣ? — спросили мы.

— А на що она мнѣ? — сказалъ онъ съ веселой небрежностью. — Мы люди простые, черные. Тамъ, говорятъ, нажива одна, людодерство, всѣ наровятъ другъ надъ другомъ поверхность одержать, другъ у друга что ни на есть ухамить... А вы, я слышалъ, на степь ѣздили?

— Да, — отвѣтили мы, — за ксеноваломъ. Да это толь-

ко такъ геворится степь, а это просто ровная мѣстность. У насъ настоящихъ степей нѣту.

— Это правда, у васъ тутъ буераковъ много, — сказалъ онъ. — А вотъ какъ выѣдешь за Елецъ, за Задонскъ, прямо душа радуется, конца краю этой степи не видать, до самаго синя-моря идетъ, до Нагая. И чего только нѣту тамъ! И овсы, и ячменя, и твяты усякіе, и ковыль бѣлый, сѣдатый... Я такъ полагаю, лучше нашей державы во всемъ свѣтѣ нѣту!

Потомъ онъ разсказалъ, гдѣ, въ какихъ «странахъ» онъ бывалъ — «за самый Царицынъ подавался», — какіе «народности» видѣлъ, и я все дивился, сколько употребляетъ онъ словъ старинныхъ, древнихъ даже, почти всѣми забытыхъ: изнугряться вмѣсто издѣваться, ухамить вмѣсто урвать, варяжить вмѣсто торговать, огонь «взгнетать» вмѣсто зажигать... Нагайцевъ онъ назвалъ кумане, — древнее названіе половцевъ, — конину маханиной. Формы у него тоже свои: «Онъ неладно думалъ объ мужиковъ», сказалъ онъ, напримѣръ, про москвича. А про своего крѣпелка такъ:

— Онъ любитъ воять въ темныя ночи.

И мнѣ вспомнилось, что Пушкинъ тоже писалъ: волки воляли (а не выли). Впрочемъ, съ Пушкина-то и началась утрата народности въ нашемъ языкѣ. Державинъ, Батюшковъ писали и говорили еще по мужицки: беремя вмѣсто бремя, кочеть вмѣсто пѣтухъ, не пущать, разсерчать, иступаться, рушникъ или ширинка вмѣсто полотенце, наклепать, — въ смыслѣ наговорить, наврать на человѣка, — вихорь, а не вихрь...

16 іюня.

Нынче жарко, солнечно, парить, на дворѣ тепло пахнетъ разогрѣтой муравой, изъ-за ярко зелсныхъ вершинъ сада ослѣпительно бѣлѣютъ великолѣпно круглящіяся облака.

Все утро работалъ, передъ завтракомъ вышелъ пройтись, иду по аллеѣ, слушая птицъ, на всѣ лады заливающихся въ солнечномъ саду, а впереди Яковъ: тащить къ шалашу тяжелое ведро, изъ котораго серебромъ выплескивается порой вода, и внизъ по его рубашѣ и порткамъ течетъ нестрая, радостная сѣть свѣта и тѣни. Голова опущена, шапка съ затылка сдвинута на лобъ. Догналъ, шутя спрашиваю:

— Что не весель?

Живо поднялъ голову, глаза тотчасъ заиграли:

— Чѣмъ не весель?

— Да какъ же, — шапка на лобъ, идешь грустный.

— Чѣмъ грузный?

— Да не грузный, а грустный, скучный.

— Скучный? Никакъ нѣтъ. По чемъ мнѣ скучать? Скучать не годится. День меркнетъ ночью, человекъ печалью. А мнѣ скучать не по чемъ, я всегда довольный. Вотъ добылъ водицы въ людской избѣ, сейчасъ кашку себѣ совою . . . Я люблю по садамъ сидѣть, люблю, когда вѣтвей много, а у васъ этого вволю, садъ отмѣнный. Нынче какой годъ-то? Тринадцатый ай четырнадцатый?

— Четырнадцатый.

— Ну вотъ, значить, два лѣта тому назадъ. Я тогда у господъ Глѣбовыхъ подъ Лебедевью сидѣлъ. Вотъ эта была мука! Садъ молодой, жидкій, округъ одни пашни сухія, воды, рѣчки нѣту, прикашникъ злой, воспаленный, баринъ гололобый, въ очкахъ . . . А у васъ тутъ благодать, мнѣ тутъ скучать нечего. Кобель, какъ говорится, жретъ мѣсиво, а и то живетъ весело. А я хрещеный человекъ. — Я, господа хорошіе, — сказать онъ уже совсѣмъ твердо, сдвинувъ свободной рукой шапку со лба назадъ и взглянувъ прямо въ лицо мнѣ своими прищуренными бодрыми глазами, — я живу, какъ Богъ велитъ, я, какъ говорится. Божье древо: куда вѣтеръ, туда и она . . .

Я свернулъ за шалашомъ въ солнечную аллею изъ акатника. Облака бѣлоснѣжными зевсѣтдобными главами

вставали изъ-за столѣтнихъ березъ на валу, за лощиной, все великолѣпнѣе. На припекѣ горячо и сладко пахли травы, цвѣты, крапива. Въ фруктовомъ саду, съ блаженной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флейтовые переливы иволга... Отчего такъ особенно прекрасно все старинное, старья березы, напримѣръ? И я сталъ думать о жизни нашихъ дѣдушекъ, бабушекъ, которая кажется мнѣ всегда такой счастливой, представлѣніе о которой такъ волнуетъ меня всегда. Пройдя всю аллею, я пошелъ назадъ и опять вернулся къ шалашу. И что-же, какъ нарочно, услыхалъ? Яковъ, спиной ко мнѣ, сидѣлъ на корячкахъ передъ земляной печуркой, которую онъ уже вырылъ подъ липой противъ шалаша, ставилъ въ ярко-оранжевый огонь, распаленный въ ней, чугунички съ водой и опять пѣлъ, — вполголоса, нѣжно и жалобно:

Мой стонъ и грусти люты
 Вообрази сабѣ
 И вспомни тѣ минуты,
 Какъ былъ я любъ табѣ...

И, приподнявшись, разогнулся и ладно топнулъ лаптями:

Ахъ, сыпья, горохъ,
 На двѣнадцать дорогъ,
 Когда буду помирать,
 Тогда буду подбирать!

— Яковъ Демидычъ, — сказалъ я, подходя, — гдѣ ты могъ эту пѣсню слышать?

— Какую? — спросилъ онъ, оборачиваясь.

— А вотъ эту, про стонъ и грусти люты? Теперь такихъ пѣсенъ не поютъ, эта пѣсня старинная и къ тому же господская.

— Это правда, — отвѣтилъ онъ, — эта пѣсня томная. Но только я такихъ много знаю. Могу эту сыграть: «Я не

помню въ оный часъ твоея досады», а еще «Отъ несклонности твоей духъ во мнѣ метется», а еще «Мнѣ припятства ни по чемъ, не спасусь любви . . . » Могу и про дѣвокъ: «Естьли дѣвки всѣ метрессы, бросимъ мудрости и мы . . . » Вѣдь мы, дворяне, въ старыя времена тоже, баютъ, господа были. Надъ нами барскіе и теперь еще смѣются: ты, моль, галманъ, чьихъ господъ баринъ?

— Кстати, — сказалъ я, — что жъ ты до сихъ поръ ничего не разсказалъ намъ про себя? Есть ли у тебя семья, дворъ, свое хозяйство, что ты зимой дѣлаешь?

— Да вѣдь вы меня про то не спрашивали, — отвѣтилъ онъ. — А самъ я не насмѣлился. А ну-ка вамъ это безо всякой надобности? А семьи у меня нѣту, первая жана померла давно, а другая ушла, не пожелала со мной жить, соскучилась, значитъ. А сыновья, какіе остались, одинъ въ солдатахъ, а другой во дворъ пошелъ, сапожничаетъ, пьяница и дуракъ, по совѣсти сказать, какихъ мало . . . Пойдите-ка, васъ никакъ къ столу кличутъ?

— Ну, видно, до вечера, — сказалъ я и пошелъ въ домъ.

Божье древо — это очень не плохо сказано.

17 июня.

Жить, говоритъ Яковъ, надо такъ, какъ жили дѣды, прадеды. Новшества однако не отвергаетъ:

— Вотъ, скажемъ, теперь все молотилки пошли. Что жъ, это не бѣда. Бывалыча, какъ станемъ гужомъ, въ двадцать цѣловъ, да какъ вдаримъ вразъ — заслушаешься, до чего ладно выговаривая! Ну, а въ сырую погоду, знамо дѣло, молотилка куда удобнѣй.

Царя ни въ чемъ дурномъ не винить:

— Министры виноваты. Вродѣ какъ господскіе бурмистры въ прежнее время . . .

Богатымъ онъ не желалъ бы быть: обѣднѣешь, обогнѣешь, будешь по перинамъ валяться, а пухъ челоуѣку

вреденъ, имѣеть будто бы свойство «притягивать». Но жить въ достаткѣ, конечно, не прочь бы.

Смерти не боится. — по крайней мѣрѣ, утверждаетъ такъ. Сказаль съ нарочитой развязностью:

— Вона, чаго еѣ бояться! Схоронять з'ызбой, помянуть...

И особенно крѣпко, въ рифму договорилъ, чѣмъ именно помянуть, и прибавилъ:

— Лѣсъ по дереву не тужить!

Бесѣдуя, онъ все время пристально работалъ: дѣлалъ себѣ лозниковую дудку, я, говорить, люблю эти дудки и жилейки, буду вамъ играть «Во лузяхъ», лучше этой пѣсни во всемъ свѣтѣ нѣту: «Расцвѣли цвѣты лазоревые, понесли духи малиновые...»

Пишу въ библиотекѣ. Окна въ садъ открыты, подоконники горятъ на солнцѣ. На подоконникахъ насыпаны и сохнутъ, сладко пахнутъ лепестки розъ. Въ саду — радость, зелень, птицы, прекрасное лѣтнее утро. И все время съ удовольствіемъ вспоминается присутствіе въ усадьбѣ этого милаго человѣка

18 іюня.

Ѣдемъ въ Субботино, на станцію, встрѣчать городскихъ гостей.

Собираться запрягать стали тотчасъ послѣ завтрака, хотя поѣздъ приходитъ четверть пятого. Впрочемъ, запрягали, какъ всегда, часа два: покуда тарантасъ выкатили изъ каретнаго, покуда его подмазали, покуда сбрую собрали, покуда лошадей вычистили и напоили...

Я, принарядившись, вышелъ изъ дому и пошелъ посмотрѣть, исправно-ли переднее колесо, которое уже два раза посылали къ кузнецу. Опять чудесный, праздничный какой-то день. Зной, блескъ, потому это дѣтское удовольствіе при мысли о поѣздкѣ. Тарантасъ уже весь такой горячій, что прикоснуться нельзя, лакированные крылья

зеркально сіяють, нагрѣтая кожа фартука пахнетъ несбыкновенно пріятно... Яковъ, съ узелкомъ подъ мышкой и съ валькомъ въ рукѣ, шель черезъ дворъ къ воротамъ.

— Ай въ городъ? — спросилъ онъ, съ усмѣшкой щурясь отъ солнца и пріостанавливаясь. — Вотъ иду на рѣчку по своему вдовьему дѣлу, постирушечка есть кое-какая... А вы въ городъ? Что жъ вы въ такой варъ, въ самую жару средидневную? — сказалъ онъ, испытывая, видимо, большое удовольствіе отъ этой жары и обилія свѣта.

Я отвѣтилъ, что ѣдемъ гостей встрѣчать, на станцію.

Онъ засмѣялся:

— Ну, это еще вволю на станціи насидитесь! Она безпремѣнно опоздаетъ, машина-то. Вѣдь она какъ идетъ? Я такъ-то, когда ѣду по ней, захочу за нуждой сходить, соскочу, посижу сколько надо да еще земляники наѣмся и опять ее догоню... А гостечки, это ничего, хорошо. Я, преждее время, это любилъ, — погостѣвать, попить у хорошаго сосѣда. У насъ въ старину село богатая была, сходка, бывало, соберется — все тузья, бояре, угощали радушно, на полный ротъ. Бывало, не выдерешься съ этого пиру, бесѣды: только поднялся, — ну, молъ, спасибо, сосѣдушка, сладокъ медъ, да не по двѣ ложки въ ротъ, ко двору пора! — опять силкомъ на лавку валять: стой, свать, давай хоть еще по единой, по стремянной выпьемъ!

— Это что жъ за стремянная такая? — насмѣшливо спросилъ Илюшка, подходя къ тарантасу съ дугой.

— Вотъ и вышелъ Иванъ, — сказалъ Яковъ. — Какъ же ты не знаешь? Это, значить, по самой послѣдней, когда ужъ въ стремя становишься, ко двору ѣдешь. Это вѣдь у васъ, у барскихъ, бѣднаго на пиру обносятъ, ложкой кормятъ, стебломъ глаза клять, каждый стаканчикъ считаютъ...

19 июня.

Погоду сглазили, нынче весь день льеть.

Началось еще со вчерашняго вечера. Мы, по счастью, вернулись во время, къ ужину (проѣздивши даромъ, такъ какъ гости обманули). Но едва вошли въ домъ, какъ понесло такимъ вихремъ, что свѣту Божьяго не стало видно. Весь вечеръ бушевалъ настоящій ураганъ, молніи, удары, ливень были ужасные. Я любовался грозой, сидя въ темной библіотекѣ, поминутно оглушаемый громомъ и ослѣпляемый какимъ-то жестянымъ зелено-бѣлымъ пламенемъ, до неправдоподобія свѣтло озарявшимъ комнату, вслѣдъ за которымъ мелькалъ фіолетовый отблескъ, а потомъ заливало совершенно чернымъ мракомъ. Къ десяти стало по немногу стихать, громъ сталъ отходить, раскатываться все дальше, небо надъ садомъ расчистилось, въ комнатѣ посвѣтлѣло отъ мѣсяца, показавшагося изъ-за сада, изъ-за его мокрыхъ мотающихся вѣтвей. Мѣсяць былъ странный — совсѣмъ оранжевый. Въ небѣ надъ нимъ быстро неслись лиловатымъ дымомъ остатки тучъ. Я заснулъ при открытыхъ окнахъ, съ надеждой на чудесную погоду, — такъ сладко успокоилось все къ полночи и такъ мирно, счастливо щелкала соловей въ таинственно-тихомъ саду. Однако нынче льеть, шумить по крышѣ съ самаго утра.

Послѣ вечерняго чаю надѣли длинные сапоги, накиннули резиновые плащи и пошли въ шалашъ. Это у насъ уже входитъ въ привычку да и некуда больше пойти. Аллея размыта, закидана оборванной листвою, сучьями, всюду все пересыщено водой, — трава, земля, зелень дерсвьевъ, черная солома шалаша. Дождь теплый, но все же не на столько, чтобы сидѣть въ одной рубахѣ. Однако Яковъ сидѣлъ на сыромъ вѣтру, душемъ въ шалашъ, именно такъ, — безъ подшубка и безъ шапки. Пристроившись на своемъ пнѣ, положивъ нога на ногу и приподнявъ правое колѣно, онъ чинилъ себѣ рубаху, неловко, но смѣло

дѣйствуя огромной, такъ называемой цыганской иглой. Увидя насъ, поднялъ голову:

— Вона какъ нарядились! Ай въ Задонскъ собрались? Жидки вы, господа дворяне, на расправу! А дожжокъ, правда, словно нанялся, прости Господи. Мой кобелекъ, и тотъ не вытерпѣлъ: забился въ саласъ, весь день почибаеть. То, бывало, не докличешься, а нонче и Аниска не мила.

— Какая Аниска?

— А ваша, стряпухина. Онъ съ ней такъ сдружился, часу не можетъ безъ ней быть. Набѣгаются, накатаются по двору — и подъ водовозку, либо подъ крыльцо: обнимутся и снять, какъ братъ съ сестрой, даже глядѣтъ умильно.

— Умильно-то умильно, — сказала Коля, — а вотъ какъ ты ухитрился ночевать тутъ прошлую ночь. Смотрика, что у тебя въ шалашѣ, — во всѣ дыры течеть. Надо сказать работникамъ перекрыть его, какъ опогодится.

— Нѣтъ, я ночевалъ смирно, — отвѣтили Яковъ. — Она протекать-то какъ слѣдуетъ стало только нонче. А дожжокъ, это для хлѣбовъ теперь первое дѣло. Я люблю всякую погоду. Все хорошо, все славу Богу. Вы вчера поѣхали, а я думаю: ой, прихватить моихъ господъ къ вечеру! Ну, и правда, и грозу-же разыграть Господь! Какъ полыхнетъ, полыхнетъ — хоть деньги считай. На селѣ, говорятъ, избу зажгло, у сотскаго двухъ ребятъ убило, у князя въ саду самое толстолѣтнее дерево повалило...

— Ну, вотъ, а ты говоришь, все хорошо, — сказалъ Коля.

— А какъ же быть-то? — возразилъ онъ. — Убило — значить, не подвертывайся. Что, значить, кому назначено, всякому свой жребій, на это обижаться нельзя. Богъ и колосевъ не сравнялъ. Одинъ дуракъ, другой умный, одинъ богатый, другой побирושка, онъ померъ нонче, а я завтра...

Потомъ, пристально и съ удовольствіемъ слѣдя за своей работой, поднимая рубаху на свѣтъ и оглядывая, не

протерто-ли еще гдѣ, сталъ разсказывать про себя, про свой жребій:

— У насъ дворъ въ старину знаменитый былъ. Да знамо дѣло — стали дѣлиться, ну и изничтожились. Мнѣ земли пришлось всего полторы десятины. Да что жъ, я не жадный. Я своей скудости не стыжусь: чѣмъ дѣвченка виновата, что юпченка маловата? Одна бѣда — дѣтей много было. Жанили рано, а она и наваляла мнѣ ихъ, — баба, правда, отмѣнная была. Я съ ней осемнадцать годовъ отжилъ и девять человѣкъ наплодилъ.

— Значить, любишь это дѣло, — сказала Коля, подмаргивая.

Онъ тотчасъ же, въ угоду ему, подхватилъ его тонъ:

— Бабъ-то? А кто жъ ихъ не любить? Да я и теперь не откажусь, подавай какую хочешь. При старости при такой не гребуютъ никакой, у чужомъ у краю и съ рябой какъ въ раю. Вонъ, баютъ, господа какія-то ярусныя капли пьютъ, чтобъ, значить, яровитѣй быть, а я и безъ нихъ, какъ дорвусь, въ рукавицахъ не оттащишь: старая кобыла борозды не испортитъ! А дѣтей, говорю, правда, много нарожалъ. Ну, только ихъ почти всѣхъ Богъ по одному прибралъ, мнѣ и стало посвободнѣе. А какъ и жана померла, я семь годовъ вдовцомъ ходилъ. Думалъ, такъ и свѣкую. Анъ сусѣдки зачали сбивать, что жъ ты, молъ, какъ обѣвокъ какой въ полѣ, рубахи не кому постирать... Жанись да жанись, я и послушался. Тутъ какъ разъ брата моего старшого убили, я и думаю себѣ...

Коля прервалъ его:

— Постой, какъ убили? Кто убилъ?

Онъ мотнулъ головой и засмѣялся:

— Казаки убили, пропади они пропадомъ. Они вѣдь страшные жадные, аредные, черти. Братъ, правда, чуточку неладно сдѣлалъ — приловчился у нихъ въ отарахъ овецъ поворовывать, а они и поймай его. Схоронились такъ-то въ яругѣ, въ балкѣ, а какъ завидѣли, что онъ ярку по нолю въ сумеркахъ на себѣ претъ, выскочили и давай его

нагайками парить, по ушамъ да по чемъ попада глущить... Такъ до-смерти и засѣкли. Ну, а я въ тую пору и жанился. Думалъ, думалъ, за кого бы, дескать, посвататься? Кто, думаю, за меня за такого то пойдетъ, за стараго да вдоваго? Анъ все случай. Зашелъ разъ къ невѣсткѣ, ко вдовѣ братниной, а тамъ нищенка, дурочка сидитъ, хлѣбушка зашла попросить. Я еѣ и спрашиваю, смѣху ради: «Что жъ ты, дескать, шатаешься, побирушкой ходишь? Ты бы замужъ шла, ты еще здоровая. Авось молъ, ума большаго тамъ съ тебя не спросятъ». — «Да что жъ, говоритъ, за хорошую голову пошла бы». — Ишь ты, молъ, какая шустрая! За хорошую! При твоей дурости и бѣдности тебѣ нечего разбирать. Да вотъ тебѣ, къ примѣру, хорошая голова, — дескать я-то, — пойдешь за меня? Ты, молъ, не гляди на мою старость: старъ пестрець, да уха сладка. — Ну, а она, понятно, рада радехонька. Кто жъ ее такую-то, спричь вдовца, возьметъ? Дундукъ, безтолковая, побирушка, а красотой такъ даже я передъ ней король. Поиѣнчались паранѣ Успенья, а она пожила осень да зиму, а на Оминой и пятки саломъ подмазала: ушла. Меня, говорить, любовники жамками кормили, а ты кобель, у тебя нѣту ничего... Понятно, обыкла шататься, работой скупаешь, ну и ушла, слава Богу...

— Такъ ты теперь и живешь одинъ? — сказалъ Коля.

— Такъ вотъ и живу, — подтвердилъ онъ, вставая и складывая рубаху съ видимымъ удовольствіемъ отъ додѣланнаго дѣла. — Такъ и живу, баринъ хорошій, — сказалъ онъ, легонько вздыхая. — Когда будемъ помирать, тогда будемъ горевать. А пока вотъ по садамъ сажу, а зиму хожу волну бью по сусѣдскимъ дворамъ. Дома я долго не люблю сидѣть, къ дому у меня охоты нѣту...

— Ну, а дѣти твои? Они дома живутъ?

— Дѣти у меня никуда, — сказалъ онъ. — Одинъ сынт, слава Богу, на казенныхъ харчахъ, въ солдатахъ, другой хромой, пьяница, сапожникъ... Сапожникъ, сапожникъ, а

родному отцу безъ пятака латки на сапогъ не положить! А какъ у самого нужда — сейчасъ къ отцу: «Батя, помоги!» Ну, и помогаю по силъ-мочи...

21 июня.

И вчера весь день лиль дождь. Нынче очень свѣжо, сильный сѣверо-западный вѣтеръ. все небо движется сумрачными и величественными облаками, купоросно ярка зелень сада.

Яковъ вчера отсыпался на печкѣ въ людской, — «прозябь маленько!» Нынче съ необыкновенной бодростью помогасть Николкѣ таскать съ гумна старновку, покрывать шалашъ, выгребать изъ него старую, гнилую и пахучую, солому. Шалашъ сталъ теперь желтый, виденъ въ аллеѣ издалека. Аллея вся завалена обломанными бурей вѣтвями съ зеленой листвою... Яковъ, конечно, не унываетъ:

— Ничаго! Авось не первая волку зима! Мы этихъ бурей не боимся!

И опять умиляется, художественно восхищается на кухаркину дѣвочку, которая, въ одной грязной рубашонкѣ, опять весь день катается съ его кобелькомъ по холодной и мокрой травѣ на дворѣ.

— Онъ все будто грызетъ ее, а она будто боится, отбивается... А вчерась что сдѣлала? Видѣла, какъ работники въ каретномъ себѣ сапоги дегтемъ мажутъ, забѣжала туда и давай помазкомъ себѣ голыя ноги холить! Явилась въ избу — мать такъ и ахнула...

Передъ вечеромъ проглянуло съ запада солнце. По низу аллеи, между стволами, стоятъ золотистые столпы чистаго и холоднаго вечерняго свѣта. Шалашъ кончили, --- теперь все ново, сухо, въ порядкѣ. Яковъ благодумствуетъ за «чайкѣмъ».

— А ты, Яковъ Демидычъ, сказки разныя, стихи, былины знаешь?

— Это какъ побирушки-то на ярмаркахъ кричать? Это

я много знаю. Я три лѣта при свѣчной лавкѣ жилъ, ѣздилъ торговалъ съ прикащиками по-селамаъ, по престольнымъ праздникамъ, — насъ семь подводъ было. Они страсть какъ кричатъ, эти калѣки перехожіе. Какъ поднимутъ, поднимутъ «разжалкіе папашечки» . . .

— А ты можешь по ихнему кричать?

— Вона, еще бы табѣ!

И въ ту же минуту, поставивъ чашку съ чаемъ на землю подлѣ себя и закрывъ глаза, откинувъ голову назадъ, сталъ въ носъ, на разные голоса вопить:

— Разжалкіе папашечки, разжалкія мамашечки, подайте Лазарю убогому, безногому! Ваши ножки ходять, ваши ручки служатъ, а онъ того не можа, смальства страдая! Ваша подающая рука, которая подавасть, та во вѣкъ не оскудѣваетъ! Ваша подаянья на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ, еѣ моль не ѣстъ, ни ржа не точа! Вы подайте не ради нашего прошенія, а ради своей души спасенія! Какъ вы, разжалкіе воспитатели, намъ подадите, вы своей души спасенью угодите! Разжалкіе сестрицы, братцы, мы, какъ помремъ, ничего съ собой не возьмемъ — ни злата, ни серебра, ни богатства, ни имѣнія! Смальства онъ, Лазарь, не ходилъ, не служилъ, согласенъ онъ вамъ за корку служить, каменные горы бить, чѣмъ такимъ несчастнымъ быть! Небесная птица, не можа еѣ безъ крыла по воздуху носить, такъ бѣдный калѣка не можа на своихъ ножкахъ ходить! Разжалкіе наши питатели, вы подайте свое вѣрное подаянье ни другу, ни брату, — подайте самому Господу Богу святу!

Кончивъ, онъ открылъ глаза, засмѣялся и, опять вѣзвѣвшись за чашку и откусывая отъ кусочка сахара, назидательно прибавилъ:

— Вотъ они какъ кричатъ, народъ обманываютъ. Ихъ всѣхъ надо по тюрьмамъ рассажать, они тамъ сытые и на всемъ готовомъ будутъ.

— Ну, а какія ты сказки знаешь? — спросили мы.

Онъ подумалъ, весело глядя въ землю:

— Сказки? Про Конька-горбучька знаю, про младаго Ивана Царевича, какъ онъ по охоту ходилъ, свою царевну добывалъ, а еще про этого Алексѣя Божьи челоувѣки . . .

И, опять прикрывъ глаза, тотчасъ же началъ скороговоркой, мѣшая сказочный ладъ рѣчи съ обыденнымъ:

— У главномъ городѣ у Рымѣ, при первомъ царю пни Оноріи, при великомъ князю Претемьяну, жилъ, значить, князь со княгинею. Онъ усердно молился, трудился, просилъ себѣ дѣтища у Матери Господи Пресвятой Богородицѣ. Создай мнѣ, дескать, Господи, единую чаду, при младыхъ лѣтахъ на посмотрѣніе, при старости на призрѣніе . . . И вскорости, значить, такъ по его молитвѣ и вышло дѣло. Алексѣй Божьи челоувѣки скитался и спасался, а мать съ отцомъ его не узнали, за побирушку почитали. И возговорить онъ тутъ отцу-матери, состройте мнѣ, дескать, отхожую келью у красномъ зяленомъ саду, гдѣ всякій мусоръ мечуть и помои свиньямъ льютъ. Зачалъ онъ въ этой кельѣ трудиться со всѣми своими образами, иконами, съ Пресвятой Госпожей Богородицей, и тутъ, значить, и вѣкъ свой молодой скончалъ. Отворилъ служка двери, взошелъ на порогъ и гробъ открылъ, а онъ какъ живой лежитъ. И вскричали тутъ отецъ съ матерью промежду себя: «Сынъ нашъ, дескать, возлюбленный, что жъ ты надъ собою сдѣлалъ? Мы бы тебѣ въ лучшемъ видѣ келью отстроили, твою младость успокоили!»

Когда онъ кончилъ и это и, убирая въ шалашъ чугуничекъ, хлѣбъ, чашку, сказалъ, что теперь хорошо бы водочки стаканчикъ выпить да какой-нибудь закусокки закусить, Коля спросилъ:

— А что ты изъ закусокъ больше всего любишь?

— Изъ закусокъ-то? — отозвался онъ. — Да что-жъ, вотъ селедочки не плохо закусить, бараинки жареной, пирожка съ сомовинкой . . . ну, еще какой-нибудь тамъ хвостикъ ветчинки, хунтикъ колбаски вареной . . . Да я, по совѣсти сказать, за весь вѣкъ только одинъ разъ сытый былъ, когда на бойняхъ у купца въ Ельцѣ служилъ. Тамъ

и на счетъ этого самаго щепоточнаго, на счетъ бабъ то есть, было вольно. Ну, только я на это не льстилса. Дома дѣло другое. Тамъ иной разъ займешьса съ какой-нибудь пожилой старушкой, сдѣлаешь ей за работу бездѣлицу какую, ножницы, скажемъ, поточишь, али вялешь, какимъ на рѣчкѣ бѣлье колотять, вырубилъ, вотъ и расходъ весь. И самому лестно, и ей удовольствіе...

24 іюня.

Дождь, дождь и дождь.

Съ Яковомъ не видались давно, только немножко поболтали вчера вечеромъ.

Сидитъ на соломѣ, ѣстъ кулешъ изъ чугуничка. На пифъ горитъ свѣчка, забитая въ какую-то жестянку, на стѣнѣ шалаша чернѣсть его большая тѣнь. Снаружи, по шалашу, шуршитъ вѣтеръ съ дождемъ, кругомъ, въ саду, непроглядная чернота... Между прочимъ опять попробовали попытать его на счетъ смерти:

— Вотъ ты говоришь, тебѣ пятьдесятъ седьмой, значить, лѣтъ черезъ десять, можетъ, и помирать придется. Думаешь когда-либо объ этомъ, боишься?

— Нѣтъ, не думаю. Двумъ смертямъ не быть, однимъ не миновать. Чаго жъ еѣ бояться!

— Да какъ же не бояться, ты только представь себѣ: вотъ въ такую вотъ ночь да въ гробу, въ могилѣ, на кладбищѣ...

Но онъ опять сталъ отдѣлываться шутками, — видно, что разговоръ этотъ ему пока (то есть, пока онъ здоровъ) совершенно не интересенъ:

— Да авось туда, въ могилу-то, не протечетъ, мелко не положить...

Разговоръ о Богѣ тоже перевелъ на шутку, на сказку о солдатѣ, который попалъ въ рай и остался очень имъ недоволенъ:

— А, вонъ оно что, этотъ рай! Да какой же это рай?

Ни трубочки, ни водочки! Кабы трубочка, да водочка, да кисеть съ табачкѣмъ, вотъ это иная была бы статья!

— А намъ думается, — сказали мы, пытая его, — ничего на томъ свѣтѣ не будетъ, ни этого рая, ни ада.

Но тутъ онъ не согласился:

— А какъ же святые-то въ раю живутъ, если его нѣту? Нѣтъ, это вы глупо говорите. Это выходитъ, что и Бога нѣту? Кабы Его не было, вся бы земля пропала. Не даль бы, къ примѣру сказать, Богъ травы, кормовъ, вся бы скотина поколѣла...

Потомъ разсказаль, какъ Христось съ дьяволомъ на счетъ людей дѣлились — «вотъ какъ братья на селѣ дѣлятся»:

— Тебѣ, говоритъ Христось, пушай мертвые достанутся, — тебѣ же лучше будетъ, мертвыхъ-то вѣдь больше, — а мнѣ, значитъ, живые... А потомъ обдумался да и на попятный: вѣдь какъ же, вѣдь всѣ они, живые-то, тоже когда-нибудь мертвые будутъ? И, значитъ, сошлись на томъ, что которые упасутся — Ему, Богу, а которые нѣтъ — дьяволу...

28 іюня.

Завтра уѣзжаю на югъ, хотя ѣхать уже не хочется: жаль покидать усадьбу, свои мѣста и эти прекрасные лѣтніе дни, вновь наступившіе послѣ дождей. Жаль и Якова.

Нынче онъ между прочимъ сказаль мнѣ:

— А народъ у васъ тутъ глупый, господа хорошіе. Я вчера пошелъ на деревню сѣрничковъ купить, иду задворками, а на гумнѣ мужикъ стоитъ, а по межѣ ко ржамъ во весь духъ бѣжитъ дѣвочка лѣтъ семи али восьми... Бѣжитъ и навзрыдъ плача, спѣшитъ изо ржей телушку выгнать, а онъ стоитъ и оретъ на все поле. Длинный, долговязый, морда злая, скучная — и оретъ безо всякой совѣсти: «Опять телушка во ржи, такъ-то твою такъ? Ты такъ-то за ней глядишь, распротакъ твою такъ?» — Я просто

диву дался, до чаго свинья, невѣжа! Можно разѣ такъ-то на свое дитя кричать?

— Ну, вотъ, а ты говоришь, что лучше нашей державы и лучше нашего народа во всемъ свѣтѣ нѣту, — сказалъ я.

— А що жъ? — поспѣшно и бодро отвѣтилъ онъ, — Конечно, нѣту. Только, конечно, насъ учить надо. Кабы подойтить къ этому самому дураку да дать яму, щобъ красныя сопли потекли, нябось въ другой разъ не горла-нилъ бы такъ-то! А еще и то сказать: не всѣ жъ и у васъ подобные. Я вотъ нынче утромъ пастуха у васъ за гумномъ видѣлъ: ну, до чаго хорошъ! — сказалъ онъ, вдругъ засмѣявшись и засіявъ отъ восхищенія. — Сядить на межѣ и портки себѣ жжетъ! Скотина по всему полю разбрелась, а яму и горюшка мало! Вынулъ это стекло жгучее и наводить на портки: какъ солнце изъ-за облака выйдетъ — отъ портокъ дымъ столбомъ! Що-жъ ты, говорю, дуракъ, дѣлаешь, ай маленькій? Вѣдь тебя жанить давно пора! А у него ротъ до ушей отъ радости: да ужъ больно, говорить, чудно, дяденька! — А гдѣ жъ ты еѣ взялъ, это самое стекло? — А мнѣ братъ солдатъ принесъ... Нѣтъ, — сказалъ онъ съ удовольствіемъ, — нашъ народъ хороший, обоюдный!

Я сообщилъ ему, что завтра уѣзжаю.

— Ну, що-жъ, — сказалъ онъ весело и равнодушно. — Дай Богъ часъ. Живы будемъ, еще, можа, повидасмся... А далеко ѣдете-то?

Я отвѣтилъ, что на югъ, къ морю, купаться.

Онъ весело изумился:

— Какъ купаться? Да чаго-жъ купаться? Да вы-бы дома-то, въ рѣчкѣ? А какіе же тамъ жители? Наши ай нѣмцы?

— Тамъ больше татары, — отвѣтилъ я.

— А! — сказалъ онъ, немножко насмѣшливо улыбаясь. — Этихъ я люблю. Они, слухъ есть, нами сто лѣтъ владали. А извѣстно — конь ѣздока любить. Опять же смирный народъ, ласковый. Скажешь ему: здорово, моль, князь,

есть платки? — онъ такъ и вскинется весь: есть, бачка, есть! — «А Магометовы портки?» — Тьфу, не хорошо, грѣхъ такъ-то говорить!» — И больше ничего. Не то что жида — тѣ страшные обидчивые . . . А скучать вы не скучайте, — прибавилъ онъ неожиданно, уже давно, видимо, угадавъ, что мнѣ не хочется и немного грустно уѣзжать: — это всегда такъ передъ отъѣздомъ, все будто жалко чего-то, а въ дорогѣ, глядь, и разгулялся сразу и забылъ всѣхъ...

И, поднявшись, бодро пошелъ къ огню, который, какъ всегда, пылалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша подъ липой, и на ходу легонько притопнулъ лаптями:

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка!

Ив. Бунинъ.

Приморскія Алыы, 1927 г.